

— Вот так я смогу приложить силу. — Е Мянэ поправил позу и мягко запустил пальцы в шелковистые черные волосы Е Цзина. Кончиками пальцев он принялся массировать кожу его головы круговыми движениями, а затем нащупал точки Байхуэй и Чэнлин на затылке и с некоторым усилием надавил на них.

Спустя некоторое время Е Цзин вдруг открыл глаза и спросил:

— А ведь не похоже на дилетантство. У кого ты этому научился?

Руки Е Мянэ на миг замерли, и он уклончиво ответил:

— Прочитал в какой-то случайной книге в Палате хранения книг нашей академии, вот и запомнил наобум несколько точек.

В прошлой жизни его отец обожал массаж, поэтому Е Мянэ специально ходил в массажный салон внизу и научился этому мастерству у тамошнего опытного мастера. В те времена немного помассировать вернувшегося из командировки отца было их единственным, принадлежащим только им двоим теплым моментом единения.

Е Цзин долго смотрел на него, после чего снова закрыл глаза.

Е Мянэ вдруг вспомнил свою семью из прошлой жизни, на душе у него тоскливо защемило, и он замолчал, лишь тихо и старательно продолжая массировать голову Е Цзина.

— Довольно, — негромко остановил его Е Цзин. — Ложись уже спать, неужели не устал?

Е Мянэ убрал руки и, уставившись на свои пальцы, опустил глаза:

— Устать не устал, да вот только пальцы немного болят...

— Болят?

Е Цзин взял ладонь Е Мянэ и внимательно осмотрел ее. Пальцы младшего брата были длинными, нежными и белыми, а аккуратные розоватые ногти тускло блестели, точно нефрит. И где тут хоть намек на травму?

Е Цзин покосился на него и хмыкнул:

— Твои руки ухожены получше, чем у твоей невестки, которая в жизни ничего тяжелее книг не держала.

— А вы взгляните повнимательнее! — Е Мянэ снова ткнул правой рукой брату под нос и надул губы. — У меня на этих двух пальцах уже мозоли натерлись!

— О? — Е Цзин, однако, не стал развивать тему.

Е Мянэ улегся рядом, обнял Е Цзина за шею и жалобно протянул:

— Брат, мне еще больше трехсот глав переписывать осталось...

— Угу.

— Если я продолжу писать, у твоего младшего брата пальцы раскрошатся. И когда у тебя в следующий раз заболит голова, некому будет ее помассировать.

Е Цзин погладил гладкую кожу на суставах указательного и среднего пальцев правой руки Е Мяня и холодно хмыкнул:

— Устроил тут целое представление только ради того, чтобы побездельничать.

Е Мянь отдернул руку и проворчал:

— Разве на ощупь это поймешь? У меня, должно быть, внутреннее повреждение. Теперь не то что от Мэн-цзы, но даже когда учитель упоминает почтенного Чжуан-цзы, у меня сразу начинают ныть пальцы.

Е Цзин негромко рассмеялся и лишь спустя некоторое время произнес:

— Ладно, хватит паясничать. Завтра отнеси то, что уже переписал, в Павильон Бихуа. Если всё сделано аккуратно, так и быть, прощу тебя на этот раз.

В душе Е Мянь ликовал, но вслух осторожно спросил:

— А как же мои карманные деньги и ларец со сбережениями?..

— М?

— За последнее время я почти перестал ходить с друзьями в кабаки. Раньше мы платили по очереди, а теперь у меня за душой ни гроша. Негоже вечно объедать других, — сокрушенно вздохнул Е Мянь, напуская на себя несчастный вид. — Вчера по дороге домой мне так захотелось горячей лепешки с ослиатиной, прямо с пылу с жару, так Фэнцзинь пришлось выудить две монеты, чтобы меня угостить.

Грудь Е Цзина слегка заколебалась от беззвучного смеха. Он протянул руку и погладил Е Мяня по спине:

— Ладно, всё тебе верну. А теперь дашь мне поспать?

— И никакой другой компенсации? — Е Мянь поднял голову.

— Не наглей, — равнодушно отозвался Е Цзин, не открывая глаз.

Е Мянь надулся:

— Сегодня во Дворе Цинань я видел у Лу Личжэна связку маленьких золотых цзунцзы. Сказал, дядя подарил поиграть. Мне они так понравились, я тоже такие хочу!

— Вот и проси у своего дяди.

— Мой дядя не наказывал меня переписыванием Мэн-цзы и не отбирал карманные деньги.

— Завтра велю ювелиру отлить тебе такие.

Е Мянь наконец расплылся в улыбке и крепче обнял брата за шею:

— Спасибо, брат!

Е Цзин лишь невнятно угукнул. Видя, что брат засыпает, Е Мянь поудобнее устроился под боком. Но стоило ему прикрыть глаза, как Е Цзин произнес:

— Позови слуг, пусть потушат свечи.

Е Мянью не шелохнулся. Подождав немного, Е Цзин открыл глаза и посмотрел на него:

— В чем дело?

— Брат, а можно не тушить? — пробормотал Е Мянью. — Я в последнее время боюсь темноты.

Е Цзин опешил:

— Боишься, даже когда я рядом? — Он нахмурился, что-то обдумывая. — Я еще когда вошел, хотел спросить: почему ты уже лег, а в покоях всё еще горит яркий свет? Так это из-за страха темноты?

Е Мянью стало неловко. Он долго мялся, но в конце концов махнул рукой и сдался:

— Раньше я не так сильно боялся. Это всё Князь Жуннань виноват! Он решил подшутить надо мной и рассказал историю о призрачной невесте. А сегодня я как назло ходил в Резиденцию премьер-министра посмотреть, как братец Анцин женится...

— Ты же никогда не любил сказки о призраках и духах, мог просто не слушать. Обычно ты такой сообразительный, почему же здесь не проявил ума?

— Да я и не хотел слушать! — рассердился Е Мянью. — Но он прижал меня к постели, я не мог сбежать!

— К постели? — Е Цзин наполовину приподнялся.

Е Мянью с досадой закивал:

— У этого человека полно дурных мыслей в голове! Он еще и слугам велел унести все свечи. В крошечной тьме он крепко обнял меня, а сила у него огромная, я просто не мог вырваться.

Сонливость Е Цзина как рукой сняло. Он широко раскрыл глаза, между бровей залегла суровая складка:

— Он обнимал тебя?

При воспоминании об этом Е Мянью стало по-настоящему обидно, и он, точно высыпая горох из бамбукового тубуса, без утайки выложил брату всё как было, жалуясь:

— Я ведь и раньше говорил тебе, что этот мерзавец Чжуан Сюй вечно ко мне цепляется! Но ты мне не верил и только твердил, чтобы я не нарывался на неприятности.

Е Цзин смерил Е Мянью пристальным взглядом с головы до ног, оценивая дважды, а потом спросил:

— Этому Чжуан Сюю ведь уже исполнилось четырнадцать?

От взгляда брата Е Мянью стало как-то не по себе. Потерев плечи, он кивнул:

— Да, он на год старше меня.

Е Цзин прикрыл глаза и тяжело вздохнул — голова разболелась еще сильнее. Лишь спустя

долгое время он снова лег.

— Спи. Я сделаю так, чтобы впредь он держался от тебя подальше.

Е Мянью заволновался:

— У него скверный нрав, брат, ты...

— Ничего страшного, — небрежно бросил Е Цзин и сам позвал дежурившую снаружи служанку, чтобы та потушила свечи.

Перед глазами Е Мянью сгустилась тьма. Он уже собирался заворчать, но Е Цзин притянул его к себе и стал мягко похлопывать по спине, убаюкивая:

— Как это мужчина может бояться темноты? С сегодняшнего дня начнем избавляться от этой привычки. Завтра я велю Пятому брату прийти во Двор Баофэн и поспать с тобой несколько ночей. Если страх не пройдет, скажешь мне.

— Ладно, — послушно отозвался Е Мянью.

— Кажется, эту вещь мне все-таки стоит отдать тебе, — Е Цзин приподнял запястье Е Мянью.

— А?

Е Мянью почувствовал легкое щекотание на коже, а затем на его запястье что-то повязали. Он ощупал руку: это был плетеный шнурок, на котором болтались две круглые бусины.

— Это пятицветная нить, — тихо рассмеялся Е Цзин. — До десяти лет ты всегда носил ее на Праздник Дуанью, помнишь?

Е Мянью перебирал пальцами шнурок и покачал головой.

— Ее еще называют пятицветным оберегом долголетия. Говорят, она изгоняет зло, отваживает болезни и дарует долгие годы жизни. Вообще-то ее следовало повязать утром, еще до восхода солнца, но я не успел вернуться вовремя. Раз уж ты теперь так сильно боишься всякой нечисти, не будем соблюдать условности. Носи ее.

Грудь Е Мянью затопило приятное тепло. Поглаживая оберег, он, однако, съязвил:

— Получить в подарок коробку клейких цзунцзы, а взамен преподнести лишь пятицветную нитку... Господин Дуаньхуа чертовски выгодно ведет дела.

Е Цзин фыркнул:

— Обычную коробку цзунцзы с господской кухни ты упомянул уже раз восемь, да еще и выманил у меня связку золотых. И после этого смеешь называть меня скупым?

Е Мянью покатылся со смеху, но продолжил спорить:

— Я бы и сам рад присмотреть для тебя на улице приличные подарки к Празднику Дуанью, но раз уж ты отобрал мой ларец с деньгами, что мне оставалось делать?

Е Цзин безумно устал и не пожелал больше препираться с этим мальчишкой, а потому просто шлепнул его по ягодицам, призывая к тишине.

Столько дней они ладили кое-как, и теперь, когда все обиды рассеялись, Е Мянью ощутил во всем теле такое блаженство, словно погрузился в теплую воду. Его напряжение растаяло, навалилась сонливость. Вдыхая исходящий от шеи брата травянистый аромат орхидей, он устроился поудобнее и вскоре крепко уснул.

Ночь прошла без сновидений. Когда служанка разбудила Е Мянью, Е Цзина во Дворе Баофэн уже не было. Баохэ, ловко разводя для Е Мянью настой мяты для полоскания рта, заговорила:

— Старший молодой господин уехал еще до рассвета, сказал, что нужно во дворец. Четвертый молодой господин Е так крепко спал, что он не стал вас беспокоить.

Шоркая мягкими туфлями, Е Мянью поплелся в уборную в пристройке. Облегчаясь после сна, он проворчал себе под нос:

— Уж не знаю, сколько жалованья императорский двор платит Господину Дуаньхуа, но они его словно досуха выжать решили.

Услышав шум из комнаты, Баосюэ прикрыла рот ладонью и с улыбкой поддразнила его:

— А вы спросите у старого господина, сколько платят, это будет в самый раз.

<http://bllate.org/book/18289/1753856>